

Розовое и черное изъ моей жизни.

IV ¹⁾.

Возьмите меня назадъ, писала я черезъ недѣлю въ В., „возьмите хотя сторожемъ. Я не могу оставаться въ Ж., не могу жить безъ васъ, моихъ милыхъ и славныхъ в—скихъ друзей“.

Я очутилась какъ будто въ глухомъ лѣсу. Пусть боръ давно и кончился, и пара лошадей довезла меня туда, куда я теперь принадлежала—въ городъ, отстоявшій отъ желѣзной дороги въ 60 в. и, который, очутившись въ его центрѣ, я приняла за деревню.

— Когда же, наконецъ, мы пріѣдемъ?—все продолжала я спрашивать ямщика.

А онъ уже высаживалъ меня на лучшей улицѣ въ гостиницѣ.

Одноэтажные желтые деревянные домики и желтыя песчанья улицы. Неужели это городъ, гдѣ 15 т. жителей?

Правда, что чуть не половина домовъ стояли заколоченными. Ни одной фабрики, никакой промышленности не существовало въ Ж., и поневолѣ жителямъ приходилось уходить и значиться въ городѣ лишь по календарю.—Сколько было ихъ на самомъ дѣлѣ—тысячъ 6, 7, а можетъ быть, и меньше.

Когда я выѣзжала вечеромъ, то закрывала глаза, потому что не выносила окружавшаго меня мрака: рѣдкіе фонари зажигались только на одной улицѣ, на такъ называемомъ „Большакѣ“, единственной мощеной.

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1913 г.

И это городъ!

Я очутилась въ этомъ городѣ теперь одна на свѣтѣ: ни души, которую бы я знала, и приходилось такъ или иначе устраиваться.

Единственнымъ человѣкомъ, съ которымъ я могла говорить, оказался половой гостиницы (женской прислуги по провинціальнымъ обычаямъ, вѣдь, и до сихъ поръ не полагается). Это былъ добродушный, красивый и глупый парень.

— Позовите мнѣ лучшаго извозчика въ городѣ,—отдала я ему приказаніе, которое онъ, какъ ни былъ глупъ, могъ исполнить.

— Пріѣхалъ Иванъ Щукинъ, объявилъ онъ мнѣ черезъ 5 минутъ, ухмыляясь.

Здоровенный молодой человѣкъ въ сѣромъ азымѣ, подпоясанный зеленымъ кушакомъ, важно сидѣлъ на козлахъ своей пролетки и держалъ бѣлую рослую лошадь.

Онъ одинаково держалъ въ своихъ рукахъ и мою судьбу.

— Иванъ, сказала я извозчику, свези меня туда, гдѣ мнѣ слѣдуетъ быть; ты здѣсь все знаешь.

Онъ приподнялъ фуражку и ударилъ лошадь вожжами.

— Куда сначала?—освѣдомилась я.

— Къ Л.,—отвѣчалъ Иванъ. Онъ у насъ предводителемъ, а И. И. попечительницей надъ гимназіей.

Отворилъ ливрейный лакей и ввелъ меня въ кабинетъ. Въ очень большой комнатѣ сидѣлъ у письменнаго стола А. А., скорѣе похожій на мертвеца, чѣмъ на живого человѣка.

— Простите, пожалуйста, что я не могу встать,—привѣтствовалъ онъ меня съ грустью.

Какая-то страшная и сложная болѣзнь держала его уже многіе годы прикованнымъ къ креслу, а онъ все предводительствовалъ; засѣданія всевозможныхъ присутствій происходили въ этомъ кабинетѣ, который такимъ образомъ обратился въ центръ города. Тутъ же играли и въ карты. Л. объяснилъ мнѣ, что учился въ лицей съ дядей П. Д. Масловымъ и зналъ отца, который старше его нѣсколькими выпусками.

— Вы у насъ, конечно, будете бывать,—замѣтилъ онъ съ оттѣнкомъ просьбы. Жаль, что жена еще не встала. Заѣзжайте какъ-нибудь послѣ 3-хъ, тогда вы ее увидите.

— Куда теперь, Иванъ?

Иванъ свезъ меня къ городскому головѣ и прочимъ членамъ Попечительнаго совѣта прогимназіи, который, какъ извѣстно, выбираетъ начальницу.

— Теперь въ мужскую прогимназію, къ инспектору.—приказала я.

Толстой, пожилой хохоль обрадовался моему своевременному прѣзду, до начала занятій, а одинаково и визиту.

Теперь, значить, уже не предвидится несогласій между нимъ и мной—двумя параллельными властями, поставленными такъ выше, что ихъ отдѣляетъ море недоразумѣній. Онъ увѣрялъ меня, что ихъ не будетъ. Предложилъ уроки и еще отправиться съ нимъ вмѣстѣ въ мои владѣнія, женскую прогимназію.

То былъ одноэтажный деревянный домъ, недавно выстроенный городомъ, и недурной домъ.

Ученицы столпились въ коридорѣ, между передней и учительской. Ихъ было около 200 чел. въ шести классахъ (V педагогическій для приготовленія народныхъ учительницъ, 1-й опытъ въ округѣ). Со мной всѣ ласково здоровались.

Еще два шага, и я въ учительской. Картина рѣзко мѣняется: сердито и косо смотрятъ на меня старыя учительницы (двѣ изъ нихъ подавали прошеніе на мое мѣсто),—недовѣрчиво поглядываютъ и болѣе молодыя. Я чувствую себя въ лагерь враговъ. Не по вкусу, видно, моя молодость.

— Вамъ нужны ключи?—довольно грубо спрашиваетъ меня толстая, высокая надзирательница, которая годится мнѣ въ бабушки.

— Когда вы освободитесь, то будьте такъ добры сдать мнѣ все, что у васъ на рукахъ,—говорю я любезно и смотрю на свои часы,—черезъ 2 часа.

Добродушно усмѣхаясь моему отвѣту, прощается со мной инспекторъ, а я торжественно провозглашаю:

— Нѣтъ кабинета! Какъ это неудобно! Я, вѣдь, думала, что есть квартира.

Но ни квартиры, ни даже отдѣльной комнаты для меня не имѣется.

Я осматриваю просторные, свѣтлые классы. широкій коридоръ, служащій залой, и нахожу, наконецъ, бібліотеку, гдѣ рѣшаю устроить себѣ пристанище.

Инспекторъ уѣзжаетъ и оставляетъ меня въ пасти злыхъ старухъ.

Но я не унываю. Смѣло и равнодушно, не обращая вниманія ни на какія колкости, осматриваю я и принимаю имущество и, просматривая вскользь счета, дѣлаю замѣчаніе сторожикамъ.

— Я не позволю, чтобъ выходило по 5 р. въ мѣсяць на чернида и мѣлъ. Еще я требую отъ васъ, что когда ученицы

приходить и уходить, вы находились бы объ безсмѣнно въ прихожей. Вы должны помогать маленькимъ и не смѣете говорить никому „ты“. Я не говорю, и вы не должны.

Женщины въ роли сторожей показались мнѣ сначала не на мѣстѣ, потомъ я къ нимъ привыкла. Одна изъ сторожихъ отличалась феноменальной глупостью—не только гордилась передъ другой тѣмъ, что она купчиха, но возвращала письма, если не находила дома адресатовъ. Не малаго труда стоило мнѣ приучить женщинъ къ разносной книгѣ, къ тому также, что нужно открывать форточки, и воздухъ бываетъ не только холодный или теплый, но и испорченный.

Женское царство всецѣло меня охватило. Начальницей до меня была молоденькая жена судебного слѣдователя, и старухи ее выжили. Онѣ стали примѣнять ту же тактику ко мнѣ и потерпѣли крушеніе.

„Не дамъся я имъ въ руки, не позволю собой командовать“, рѣшено было у меня твердо.

Много плакала я дома, а въ прогимназіи оставалась всегда хладнокровной и спокойной, невозмутимо спокойной.

Разъ, когда дерзости надзирательницы, говорившей мнѣ въ глаза, что я дѣвчонка, превзошли границы моего терпѣнія, я объявила:

— Прошу васъ уйти отсюда.

Пріѣхалъ инспекторъ со мной объясниться,—какъ я понимаю эти слова—должна ли она уйти изъ прогимназіи.

У надзирательницы были связи въ городѣ, у меня никакихъ. Если бъ я поставила вопросъ между нею и мной, то уйти бы пришлось мнѣ.

— Пока нѣтъ,—холодно отвѣчала я. Пока рѣчь шла только о томъ, чтобы уйти изъ моего кабинета. Я посмотрю, какъ она будетъ себя вести.

И она успокоилась. Она поняла, что я не дѣвчонка. Когда же эта дѣвчонка дѣлала ей визитъ, то весь домъ (тамъ былъ приготовительный пансіонъ) приходилъ въ волненіе отъ такого событія.

Снисходительно слушала я ея рѣчи и разъ навсегда не говорила ни о чемъ, что меня касалось. Снисходительно относилась къ ея позднему появленію въ прогимназіи, такъ какъ сама была всегда тамъ въ 8 часовъ и рѣдко когда уходила до окончанія всѣхъ уроковъ, т. е. до половины третьяго.

Когда я уѣзжала изъ Ж., эта самая надзирательница при-

шла со мной проститься—съ пирогомъ и со слезами. Пришли тогда и остальные учительницы,—со всѣми былъ у меня миръ.

Но вернусь къ первымъ днямъ.

Я сдѣлала визитъ попечительницѣ послѣ 3-хъ часовъ, какъ говорилъ ей мужъ, и все же ея не видѣла. Она ко мнѣ не вышла, но оказалось потомъ, какъ она сама мнѣ рассказывала, что смотрѣла на меня въ щелку.

На другой день ко мнѣ въ № вошла дама, одѣтая довольно странно, въ капотѣ и съ заgrimированнымъ лицомъ, напоминавшимъ вербнаго херувима. Жеманно закатывая глаза, она стала рассказывать о болѣзни мужа. Говорила горячо и красиво, но и въ словахъ, и въ наружности ея меня поражала неестественность. Звала меня обѣдать.

— Пожалуйста, пораньше, часовъ въ 5.

То былъ часъ обыкновенныхъ обѣдовъ. Парадные назначались въ 6 и начинались въ 8-мъ. Позже всѣхъ появлялась сама хозяйка и гости всегда ее ждали. За то поваръ получалъ такое же жалованье, какъ и я. Подобной роскоши не существовало и въ губернскомъ городѣ. Къ Л-вымъ могли пріѣхать во всякое время всѣ тѣ, которые принадлежали къ сливкамъ общества, и мужчины встрѣчали любезный пріемъ и у него и у нея. Съ дамами И. И. не ладила и не любила ихъ. Были нѣкоторыя исключенія. И дамы почти не бывали запросто, а только приглашались на званые обѣды. Ко мнѣ она отнеслась очень милостиво и мнѣ даже пришлось выучиться играть въ преферансъ, чтобъ составлять съ однимъ учителемъ ея партію. И. И. увѣряла, что я не могу жить безъ Гри-Гри, я отплачивала ей той же шуткой. Г. Г. былъ уже не молодъ, замѣчательно некрасивъ, но добрый и неглупый человекъ.

Какъ ему, такъ и мнѣ приходилось подчиняться всѣмъ фантазіямъ хозяйки дома: иногда она исчезала на цѣлыхъ полчаса, иногда принималась сердиться. Но мы относились къ ней по-философски,—не обижались и отшучивались.

Игра затягивалась до 2—3 часовъ ночи, а въ 7 я неизмѣнно вставала. За то я научилась ложиться послѣ обѣда на $\frac{1}{2}$ —1 часъ. Благодаря этому образовался вполне провинціальныи складъ жизни.

Свободные отъ картъ вечера я просиживала надъ Кантомъ. У меня было теперь больше свободнаго времени, чѣмъ въ В. Уроковъ я давала всего 10 въ недѣлю (а не 24, какъ тамъ, именно: географіи въ I и II классахъ, естествовѣдѣнія въ IV

и исторіи въ IV и V). Къ тому же не приходилось поправлять тетрадокъ, что отнимало такъ много времени.

Послѣ обѣда заходила иногда въ прогимназію взглянуть, какъ топятся печи и открыты ли форточки—ахиллесова пята сторожихъ, но собственно съ 2¹/₂ часовъ я была свободна.

А жизнь была настолько дешева, что 70 р., которые я получала, казались болѣе, чѣмъ достаточными. Такъ я платила, напр., за домикъ, гдѣ было 4 комнаты, 7 р. въ мѣсяцъ; кубикъ лучшихъ березовыхъ дровъ стоилъ 3 р. И я не проживала болѣе 40 р., хотя въ карты играли и у меня не рѣже раза въ недѣлю, если не чаще.

Лѣтомъ собиралась я въ Швейцарію: мнѣ хотѣлось узнать въ точности, какъ получаютъ заграничные дипломы и необходимо ли для того учиться въ университетѣ; я даже задумала писать диссертацию и что-то марала о Кантѣ. Выписала изъ Германіи полное собраніе его сочиненій и переводила „Критику способности сужденія“.

Пусть все то, что я дѣлала, годилось лишь въ печку, я не унывала. Оторванная отъ всякаго подобія нужнаго мнѣ воздуха, я о томъ забывала. Свѣтлыя надежды молодости замѣняли все то, чего мнѣ не доставало—и книги и общеніе съ людьми того міра, къ которому я принадлежала.

— Вы всѣмъ хороши, только слишкомъ учены для насъ,—говорили мнѣ въ видѣ комплимента учителя изъ духовныхъ семинаристовъ.

То были большіе любители картъ и мои товарищи за зеленымъ столомъ. Отношенія наши были хорошія. Учителя не обижались, когда я просила ихъ не пропускать уроковъ, меня о томъ не увѣдомивъ; они даже исполняли это мое, очень скучное для нихъ требованіе и никогда не ворчали, когда я отправляла ихъ изъ учительской въ классы по звонку.

А мнѣ казалось очень скучнымъ, что они никогда не шли по собственной охотѣ, а каждый ждалъ моего приглашенія. Всего больше мучилъ меня только-что окончившій академію молодой священникъ.

До сихъ поръ помню его „Россія не погибнетъ“—слова, изрекаемыя вслѣдъ за моимъ краснорѣчивымъ взглядомъ на часы и стереотипнымъ вопросомъ:

— У васъ урокъ?

И нехотя, едва двигаясь, бралъ онъ со стола журналъ и также медленно доходилъ до злополучнаго класса, который изнывалъ отъ бездѣлья. За то, какъ только раздавался зво-

нокъ, священникъ бросался стремглавъ назадъ въ учительскую и тотчасъ же вступалъ въ горячія пренія съ какой-нибудь учительницей, какъ бы стара и неинтересна она ни была, только чтобъ позабыть на время, что у него опять урокъ.

— Россія именно гибнетъ отъ такого отношенія къ дѣлу,—увѣряла я иногда, но мы все же оставались въ пріятельскихъ отношеніяхъ и не питали другъ къ другу злобы.

Но разъ онъ какъ-то совсѣмъ неестественно оживился и выдержалъ стычку съ почетной попечительницей, сдѣлавшей набѣгъ на прогимназію. Стычка была изъ-за меня.

— Какъ вы позволяете такъ къ себѣ относиться,—кричалъ онъ съ загорѣвшимися глазами.

Я его не узнавала. Дѣло было въ томъ, что И. И. вошла въ прогимназію въ ту самую минуту, когда я распускала классъ, гдѣ должна была давать урокъ рукодѣлія надзирательница, которая заболѣла. Она ничего не понимала и кричала на меня.

— Вы не имѣете права отпускать ученицъ въ 12 час., а должны сами съ ними заниматься.

Я молчала, такъ какъ не хотѣла сказать, что у меня другой урокъ и не разорваться же мнѣ, чтобъ учить сразу въ двухъ классахъ.

Съ негодованіемъ объяснилъ это священникъ, у котораго откуда-то явилась энергія и живость.

— Я не могу возражать ей при ученицахъ,—объясняла я священнику свое молчаніе. Этого же нельзя, онѣ перестанутъ уважать попечительницу.

— Будутъ онѣ ее уважать! Все равно не станутъ,—ворчалъ онъ. Она не смѣетъ на васъ кричать.

Я едва сдерживала слезы, такъ тронуло меня это заступничество.

Но она продолжала.

Разъ же ей пришло въ голову, что ученицамъ необходимо носить крахмальные воротнички. Я старалась убѣдить ее, что это невозможно, и убѣждала ее въ этомъ во время игры въ карты. Ученицы настолько бѣдны, что когда имъ приходится вносить плату за ученіе—2 рубля въ приготовительномъ классѣ, 5 р. въ другихъ, то плату эту я получаю всегда по полугодіямъ, а рубль буквально иногда копейками. Очевидно, что этотъ рубль составлялъ предметъ долговременныхъ заботъ. Иногда я выдавала квитанціи, ничего не получивши. До воротничковъ ли тутъ.

— Выстирать могла бы дѣвочка сама,—ворчала И. И.

Но воротничковъ я не ввела и позволяла даже ходить въ платьяхъ всѣхъ цвѣтовъ радуги, пока въ одинъ прекрасный день не случился прїездъ окружнаго инспектора, который счелъ мою радугу нарушеніемъ прогимназической дисциплины.

Онъ обязалъ меня вводить форму.

Стоило большихъ усилій добиться того, чтобы розовыя и красныя платья обратились въ миѣ.

Долго еще видѣла я эти платья во снѣ. На яву же объявляла, что если къ опредѣленному сроку не будетъ, наконецъ, у всѣхъ форма (послѣдній срокъ), то я буду оставлять сидѣть въ прогимназіи.

Этого не случилось. Мнѣ вообще ни одного раза не пришлось наказывать ни одной ученицы во всѣ два года.

Меня слушали безъ наказаній.

— Ваши ученицы ходятъ за водой, это неприлично,—объявилъ мнѣ разъ новый инспекторъ, еще молодой человѣкъ, но уже заплывшій жиромъ.

На второй годъ моего пребыванія въ Ж. добродушный холъ, довѣріемъ котораго я пользовалась неизмѣнно, получилъ на мою бѣду повышение—директорство въ реальномъ училищѣ. Новый инспекторъ, бывшій учителемъ исторіи въ Т., оказался не менѣе нахальнымъ, чѣмъ глупымъ. Я не исполняла его требованій; онъ мнѣ всячески мстилъ. Начался параллелизмъ.

На этотъ разъ я отвѣтила, что скажу ученицамъ, и распорядилась слѣдующимъ образомъ:

— Когда вы приходите домой, то снимайте форменное платье,—объявила я во всѣхъ классахъ, ничего не упоминая о водѣ. На мой взглядъ такая помощь домашнимъ была только полезна, и меня, напротивъ, радовало, что ученицы не считаютъ такую работу ниже своего достоинства.

Но весьма возможно, что у нѣкоторыхъ кромѣ форменнаго и не было другого приличнаго платья, въ которомъ онѣ могли показаться на улицѣ. Многія приходили въ прогимназію въ валенкахъ, а когда ихъ снимали, сапоговъ не оказывалось.

При входѣ въ классъ ученицы крестились и только потомъ кланялись. Я считала ненужнымъ и даже вреднымъ ихъ переучивать, а тѣмъ болѣе заставлятъ дѣлать реверансы. Пусть остаются въ своей средѣ,—не слѣдуетъ прививать имъ мысли, что онѣ барышни, было то, что я неуклонно преслѣдовала.

По окончаніи V класса, онѣ поступали въ народныя учительницы на 10-рублевое жалованье (такъ платило к—ское зем-

ство). Часто заходили ко мнѣ бывшія ученицы и рассказывали о своей жизни. Помню эпизодъ съ поросенкомъ.

— Посади моего Ваську впередъ, а я тебѣ поросенка подарю,—говорилъ отецъ.

И какъ я ликовала, когда слышала, что Ваську не сажали впередъ и поросенокъ не имѣлъ цѣны въ глазахъ тѣхъ, на которыхъ лежало поднять нравственный уровень среды, гдѣ онѣ учительствовали.

Извѣстная дисциплина, раньше неизвѣстная, была все же введена мной въ прогимназіи, и когда ее осматривалъ губернаторъ, то остался очень доволенъ порядкомъ.

Въ торжественные дни приходилось присутствовать на богослуженіи въ мужской прогимназіи. Я выстраивала ученицъ парами; онѣ научились ходить стройно и стоять рядами въ церкви; это казалось очень скучно, а онѣ, напротивъ, не могли дождаться нашихъ путешествій въ церковь и спрашивали меня, когда мы пойдѣмъ опять!

Все дѣло воспитанія сводится къ тому, чтобъ заставить себя полюбить: тогда только можно добиться извѣстныхъ результатовъ, и легко дается то, чего нельзя достичь безъ привязанности.

Можетъ быть, потому что меня такъ много бранили въ дѣтствѣ, я не придавала значенія словамъ, и мнѣ дѣлалось скучно при одной мысли о выговорахъ. И я не читала ученицамъ нотаций, а говорила:

— Такой большой классъ и шумите!

Ученицы принимались плакать.

Когда надзирательница приводила ко мнѣ провинившуюся дѣвочку, я видѣла такія горькія слезы, что замѣчала:

— Не плачьте, вѣдь вы этого больше не сдѣлаете?

И мнѣ это чистосердечно обѣщалось.

Ученицы трогали меня своимъ довѣріемъ. Онѣ обращались ко мнѣ съ просьбой принести изъ учительской ручку, которую уносилъ изъ класса преподаватель. Жаловались, что одна называетъ другую „горьлой“ (я сначала даже не сообразила, въ чемъ обида) и просили объяснять то, чего не понимали на урокахъ.

По мѣрѣ силъ учила я ихъ во время перемѣнъ грамматическому разбору, а въ свободные часы читала русскихъ классиковъ, что приводило ихъ въ восторгъ: особенно любили онѣ Островскаго.

Я очень удачно организовала выдачу книгъ изъ библіотеки: каждому классу назначила свой день во время большой перемѣны. Если случалось, что книгу читають, она записывалась за той ученицей, которая ее спрашивала, и при возвращеніи ей выдавалась.

Въ первый годъ моего начальствованія получилась экономія въ нѣсколько сотъ рублей, и Попечительный совѣтъ разрѣшалъ мнѣ пополнить на эти деньги библіотеку. Я выписала много сказокъ для младшихъ (это было ихъ любимое чтеніе) и лучшихъ нашихъ писателей для старшихъ. Ученицы стали много читать и постоянно осаждали меня просьбами о книгахъ.

Приготовительному классу я позволила играть въ большую перемѣну и приходила смотрѣть, какъ онѣ играютъ. Были у меня такъ называемые адъютанты, дѣвочки, которыя не отходили отъ меня во время перемѣнъ—я оставляю ихъ въ покоѣ, не обращая особаго вниманія.

— Вы къ намъ прійдете?

Я обѣщала и шла въ классъ.

— Вы къ намъ не пришли, мы васъ ждали.

Я не понимала приглашенія прійти въ домъ.

Но когда родители посѣщали прогимназію, то подробно съ ними бесѣдовала и дѣлала, что могла, для убѣжденія нѣкоторыхъ изъ нихъ разстаться съ непедагогическимъ приѣмомъ—побоями.

Случалось обѣзжать квартиры ученицъ, не жившихъ съ родными (распоряженіе округа). Тутъ всякій разъ приходилось убѣждаться въ томъ, что я давно знала—въ бѣдности: за полное содержаніе платили обыкновенно 5 р. въ мѣсяць, и дѣти, несмотря на дешевизну жизни, все же голодали.

Моя попытка устроить Общество вспомошествованія нуждающимся ученицамъ кончилась ничѣмъ—въ назначенный день съѣхалось такъ мало, что пришлось разстаться съ этой мыслью. Главнымъ интересомъ служили карты—все остальное проходило какъ-то мимо. И. И. почти ничего не жертвовала, а богаты Л., вѣдь, были очень и давали займы всѣмъ желающимъ, предлагали, помню, и мнѣ.

Доставать денегъ для ученицъ я какъ-то не умѣла. Когда вопросъ касается пожертвованія, мнѣ всегда совѣстно.

Помню, сколько мнѣ надо было брать на себя, чтобъ напомнить И. И. о платѣ за ея ученицъ, какихъ-то 5 или 6 дѣвочекъ. У меня вѣдь было гораздо меньше, чѣмъ у нея, и по-

тому я чувствовала себя иногда не въ состояніи говорить съ ней о деньгахъ.

Разъ я чуть не бросила ей ея 10 р., но сдержалась и этого не сдѣлала.

Случилось такъ. Въ Ж. пріѣхалъ фокусникъ—великое событіе для нашего города. Онъ далъ свое представленіе въ мужской прогимназіи, при чемъ ученики платили за входъ. Я пригласила его къ намъ и назначила плату по 5 коп. Вдругъ получаю записку.

„Я слышала о томъ, что вы хотите брать съ ученицъ деньги“, писала мнѣ И. И., и нахожу, что вы не имѣете право такъ распоряжаться въ прогимназіи безъ моего вѣдома“. Еще что-то оскорбительное и 10 р.

„Неужели я ихъ не отошлю“, думалось мнѣ, но я поборола свое самолюбіе и отвѣчала вѣжливо, что не знала о желаніи И. И. платить и очень ее благодарю.

Разъ она совсѣмъ неожиданно пріѣхала ко мнѣ на квартиру днемъ (по вечерамъ играли иногда въ карты) и также безапелляціонно объявила, что я продаю книги изъ прогимназической бібліотеки.

— Если продаю, то за это и отвѣчаю,—возразила я на этотъ разъ, такъ какъ вышла изъ себя.

Больше я ничего не сказала. Она поняла, что зашла слишкомъ далеко, и уѣхала. Объяснять ей, въ чемъ дѣло, мнѣ какъ-то не хотѣлось. Когда мнѣ говорятъ подобное, я не могу защищаться, считаю это ниже себя.

Дѣло заключалось въ томъ, что мнѣ прислали изъ М. полное собраніе сочиненій Л. Н. Толстого; Анну Каренину я хотѣла отослать обратно, но, узнавъ объ этомъ, учитель русскаго языка попросилъ меня продать ему „Анну Каренину“, на что я и согласилась.

Такъ какъ прогимназія называлась Маріинской, то 14 ноября происходилъ торжественный молебень, на который съѣзжались члены Попечительнаго совѣта и прочія городскія власти—исправникъ, воинскій начальникъ, казначей и т. д. Ждали попечительницу—прошло уже болѣе полчаса, что всѣ съѣхались.

— Надо начинать,—сказалъ священникъ, подходя ко мнѣ. Нельзя заставлятъ ждать долѣе: присутствующіе могутъ на васъ обидѣться.

— Хорошо, начнемъ, согласилась я.

А опоздавшая попечительница стала кричать въ городѣ, что дастъ знать о моемъ поступкѣ въ округъ. Положимъ, что

я этого не особенно боялась. И округъ, и Попечительный совѣтъ относились ко мнѣ прекрасно: малѣйшія желанія мои всегда исполнялись, — я даже получала отпускъ отъ округа прямо, а никогда не чрезъ инспектора, какъ того требовала форма.

Еще лучше, пожалуй, относились родители, правда, безгласные. На одной свадьбѣ меня встрѣтили съ восторгомъ. И я невольно вспомнила свой первый выѣздъ въ в-ское офицерское собраніе, когда меня одинаково окружили родители и осыпали упреками по адресу гимназій. Не помню теперь, чѣмъ они были недовольны, но я тогда страшно досадовала на себя. За чѣмъ я поѣхала на этотъ балъ? Захотѣлось отдохнуть, а попала въ Харибду. Не могла я объяснить родителямъ, что ни на іоту неповинна въ томъ, чѣмъ они недовольны, и настолько же въ моей власти измѣнить гимназическіе порядки, какъ и небесныя явленія.

Но за то въ Ж. мнѣ пришлось стать хозяйкой, а случилось и счастливой хозяйкой.

Гдѣ ни бывала я въ городѣ, вездѣ встрѣчала ласку, но въ лавкахъ не рѣшалась никогда торговаться.

Кто знаетъ, можетъ быть, у этого купца въ прогимназій дочь, онъ мнѣ уступить, и это будетъ взятка.

Но и въ моемъ хозяйствѣ были, конечно, пятна, даже болѣе темныя, чѣмъ глупость инспектора и фантазій почетной попечительницы.

Такимъ пятномъ являлось отношеніе къ прогимназій двухъ учителей изъ студентовъ.

Такъ на слѣдующій годъ моего пребыванія въ Ж. явился новый учитель ариѳметики. О прежнемъ всѣ очень жалѣли. Авторъ талантливыхъ руководствъ Мартыновъ былъ къ тому же гуманный и просвѣщенный педагогъ (сосланный въ Ж. временно, онъ получалъ повышение), и дѣло шло у него отлично. Н., только-что испеченный кандидатъ м...скаго университета, поразилъ своей самоувѣренностью: онъ сталъ увѣрять, что ученицы ничего не знаютъ.

Его товарищъ, еще болѣе воображавшій о себѣ (теперь онъ директорствуетъ въ К., и очень мнѣ было бы интересно знать какъ), учитель географіи, почти не ходилъ въ прогимназію, и даже не удавалось обратить его вниманіе на то, какъ это при-скорбно для дѣла. Онъ смотрѣлъ на меня съ высоты такого величія, что я молчала. Мое малѣйшее слово вызвало бы потокъ дерзостей.

— Пожалуйста,—говорили мнѣ въ IV' классѣ,—мы ничего не поняли изъ тройного правила.

— Я скажу учителю.

— Какъ вы ко мнѣ придираетесь,---увѣрялъ Н., когда я просила повторить объясненіе. Что меня касается, я готовъ все для васъ сдѣлать (онъ дѣйствительно приносилъ пособія для моихъ уроковъ по естествовѣдѣнію), а вы меня почему-то не взлюбили.

Вхожу опять въ IV' классъ.

— Объяснилъ онъ вамъ?

— Да.

— Поняли теперь?

Молчаніе.

— Вы не поняли?

— Да, не поняли,—рѣшается сказать одна болѣе смѣлая, и остальные поддерживаютъ ее.

Что же оставалось дѣлать?

Приходить ко мнѣ одна изъ лучшихъ ученицъ IV' класса, дочь инспектора народныхъ училищъ, и держать въ рукахъ прошеніе.

— Я выхожу изъ прогимназій.

— Почему?

— Не могу учиться ариѳметикѣ,—говоритъ она со слезами на глазахъ. Онъ меня всегда отсаживаетъ, увѣряетъ, что я списываю. Это неправда. Онъ отсадитъ меня и на экзаменѣ. Все равно я не перейду.

— Сколько у васъ въ четверти?

— Два.

— Подождите,—говорю я ученицѣ. Завтра совѣтъ, я о васъ скажу и, что рѣшать, вамъ передамъ.

И вотъ я произношу въ засѣданіи педагогическаго совѣта горячую рѣчь въ защиту Архангельской. Я ставлю ребромъ вопросъ—чѣмъ можно объяснить, что ученица, которая переходила всегда съ наградами и имѣла изъ ариѳметики 4, знаетъ теперь на 2? Съ Н. дѣлается дурно, а его пріятель даетъ ему нюхать какія-то капли.

Совѣтъ рѣшаетъ переправить четвертную двойку въ тройку, а я обязана сообщить А., что ее просятъ стараться.

Господи, до чего я радуюсь одержанной побѣдѣ!

— Ну, что вамъ до того, если останется лишняя ученица,—самодовольно провозглашаетъ инспекторъ. У меня учениковъ

не 200, какъ у васъ, а всего 30, и повѣрьте, что если бъ завтра собралось уходить 15, я пальцемъ бы не двинулъ.

Думаю, что онъ говоритъ вполне чистосердечно.

— Всякій дѣйствуетъ по-своему, замѣчаю я холодно, хотя давно знаю, что инспекторъ не признаетъ психологіи. Онъ мнѣ это даже говорилъ и такъ же самоувѣренно, какъ все, что вылетаетъ изъ его усть.

— Вѣдь это чепуха психологія, — слышала я отъ него не разъ, и думаю потому, что ему не приходится въ голову вникнуть въ то, что происходитъ въ моей душѣ. Онъ, вѣдь, даже отрицаетъ то, что слѣдуетъ вникать.

„Получаемъ жалованье 20-го“, — въ этомъ вся его психологія.

„Играемъ въ карты и несемъ чепуху во всѣ дни“, добавляю я мысленно.

Но его душа разъ не выдерживаетъ.

Онъ прѣзжаетъ въ прогимназію и громогласно объявляетъ, что я подрываю авторитетъ учителя. — Учитель все тотъ же ариѳметикъ.

— Въ глазахъ кого? — со смѣхомъ спрашиваю я, — семилѣтнихъ дѣвочекъ? Подумайте о томъ, что вы говорите! Онъ-то что смыслятъ?

У насъ произошелъ слѣдующій любопытный инцидентъ.

Одна изъ ученицъ педагогическаго класса давала пробный урокъ въ младшемъ отдѣленіи приготовительнаго класса. Учила она, по всей вѣроятности, настолько плохо, что маленькія, привыкшія къ своей учительницѣ, очень толковой, эту новую безтолковую не уразумѣли вовсе. И Н. предсталъ предъ мной въ небываломъ гнѣвѣ и закричалъ, что онъ наказалъ весь классъ.

— Онъ не хотятъ учиться!

Я разсмѣялась.

— Что вы мнѣ говорите, развѣ это возможно! У нихъ, вѣдь, еще ни разу не было пробнаго урока, и онъ напугались. Явилось нѣсколько незнакомыхъ имъ лицъ и спрашиваютъ иначе, чѣмъ какъ онъ привыкли. За что же ихъ наказывать?

— Нѣтъ, я ихъ наказалъ, — упрямо повторялъ Н., пусть сидятъ!

Я пошла въ приготовительный классъ, гдѣ учительница, не чаявшая души въ своихъ птенцахъ и постоянно сражавшаяся изъ за ихъ благополучіе съ другими начальницами, ждала меня съ нетерпѣніемъ.

Горячо и усердно плакали эти ученицы, которыхъ едва было видно отъ пола, и у нихъ давно уже разболѣлись головы. Мы

начали ихъ успокаивать, утѣшать и отпустить домой по мѣрѣ того, какъ онѣ переставали плакать, потому что боялись, что если онѣ опоздають еще больше, то дома ихъ могутъ наказывать (отъ невѣжественныхъ родителей ничего другого и нельзя было ожидать), и онѣ еще на самомъ дѣлѣ заболѣють.

И я подорвала авторитетъ учителя...

А какъ страдалъ во время экзаменовъ этотъ авторитетъ, который подрывали сами учителя, я же глубоко и беспомощно мучилась.

Сколько я ни старалась увѣрять ученицъ, что онѣ напрасно боятся экзаменовъ, а я никогда не боялась, когда сама училась.—Это время прошло для меня безвозвратно. Теперь я боялась и страдала всѣми муками робѣвшихъ дѣтей, съ которыми обращались безжалостно.

Давно между учителями укоренился обычай сводить личные счета на экзаменахъ, и можно было почти съ полной точностью сказать, что произойдетъ каждый разъ—кто будетъ ставить единицы и почему!

Иногда мнѣ съ помощью инспектора (бывшаго одинаково нерѣдко повиннымъ въ личныхъ счетахъ) или одного изъ ассистентовъ удавалось уничтожить неправильно поставленныя отмѣтки, и торжествовала правда!

Но такъ какъ не всегда можно было предвидѣть, удастся ли это, склонится ли кто-нибудь на мою сторону, то я страшно волновалась въ теченіе тѣхъ долгихъ часовъ, что продолжалась эта пытка. То были худшіе часы моего пребыванія въ Ж.

Случались и возмутительныя постановленія педагогическаго совѣта, противъ которыхъ я была одинаково бессильна, а именно не допускали къ экзаменамъ на основаніи годовыхъ балловъ.

Именно, когда не хватаетъ годовыхъ балловъ, экзамены и нужны, а тутъ вдругъ оказывается, что не позволяютъ ихъ держать.

Помню, какъ пришла ко мнѣ худая и тонкая, явно изнуренная ученица IV класса Высокова, 17 лѣтъ. Она училась недурно, несмотря на то, что поступила прямо въ этотъ классъ.

— Меня не допустили?—едва проговорила она.

— Да.

— Что же я теперь буду дѣлать? Платить нечѣмъ, а я бы выдержала.

И долго, очень долго видѣла я во снѣ Высокову.

Въ подобныхъ случаяхъ и въ Ж. я оказывалась безсиьной и никакъ не могла примириться съ окружавшей меня несправедливостью.

Прекрасно училъ русскому языку М. А. Орловъ, очень скоро, впрочемъ, удаленный отъ должности. Перевели на худшее мѣсто опять учителемъ инспектора, чего онъ, конечно, вполне заслужилъ. Все это случилось уже послѣ моего отъѣзда.

Черезъ 2 года я рѣшила уѣхать; должно же было, наконецъ, наступить время моего собственнаго ученья, для котораго накопилась теперь тысяча рублей.

Урокъ географіи въ II классѣ. Кого я ни спрошу, молчатъ или отвѣчаютъ что-то непонятное. Постигаю, наконецъ, въ чемъ дѣло: ученицы рассчитали, что этотъ урокъ послѣдній, и плачутъ!

Наступаетъ послѣдній день. Какъ всегда распускаю классы. Послѣ молитвы меня спрашиваютъ:

— А вы завтра прійдете?

— Прійду,—говорю я.

Тѣмъ не менѣе, ученицы не расходятся,—это первый разъ, что меня не слушаютъ и мнѣ не вѣрятъ. Посылаю учительницу сказать имъ, что я ухожу. Тогда всѣ становятся у крыльца и повторяютъ свой вопросъ:

— Вы завтра прійдете?

— Прійду, лгу я во 2-ой разъ, такъ какъ нельзя сказать правду, того, что въ 4 часа я сдаю прогимназію.

Иду въ свой домикъ. На другой день въ этотъ домикъ приходитъ вся прогимназія. Ко мнѣ бросаются на шею (никогда раньше я не допускала такихъ сентиментальностей), и я слышу:

— Что вы съ нами сдѣлали? Мы ждали васъ цѣлый день. Вы же обѣщали прійти.

У меня разрывается сердце. На другой день я велю запрячь лошадей, чѣмъ свѣтъ, и въ 6 ч. утра меня уже нѣтъ въ Ж.

Но въ моемъ сердцѣ еще долго живутъ ж-скія дѣвочки и, когда я пріѣзжаю въ Лейпцигъ и вижу нѣмецкихъ дѣвочекъ, бѣгающихъ въ свои школы, я не могу равнодушно на нихъ смотрѣть.

Какъ-то моимъ?

Каждый день просыпаюсь я съ тѣмъ, что видѣла прогимназію и новую начальницу. Я тутъ же, но ни при чемъ.

И вотъ я получаю письмо:

„Дорогая наша М. В., пришлите свою карточку“, пишетъ IV классъ.

Я посылаю, онѣ пишутъ еще, а потомъ все кончено и... навсегда.

Никогда не встрѣчала я ни одну изъ бывшихъ моихъ ученицъ, какъ мнѣ приходилось потомъ видѣть в-скихъ.

Много лѣтъ позже знакомлюсь я въ П. съ одной изъ ж-скихъ аборигенокъ и слышу отъ нея:

— А послѣ вашего отъѣзда, въ Ж. пошло все по-старому, канули въ воду ваши реформы.

— Какія реформы?—недоумѣваю я. Мнѣ никогда и не казалось, что онѣ существовали. Я просто и скромно исполняла свое дѣло.

М. Безобразова.

